

Елена Золотарёва

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОДЕССКОГО КАРНАВАЛА

У статті розглянуті особливості Одеського карнавалу, що відбувається під час фестивалю «Гуморина». Досліджені витoki, причини, форми та тенденції розвитку карнавального руху. Проаналізовані загальні риси та відмінності Венеціанського та Одеського карнавалів.

Ключові слова: карнавал, сміхова природа, Одеський карнавал, тенденції карнавального руху.

В статье рассмотрены особенности Одесского карнавала, проводимого во время фестиваля «Юморина». Исследованы истоки, причины, формы и тенденции развития карнавального движения. Проанализированы общие черты и отличия Венецианского и Одесского карнавалов.

Ключевые слова: карнавал, смеховая культура, Одесский карнавал, тенденции карнавального движения.

The paper describes the features of the Odessa carnival held during the festival, «Yumorina». Investigated the sources, causes, forms and trends of the carnival movement. Analyzed the similarities and differences between the Venetian and the Odessa carnival.

Keywords: carnival, culture of humor, Odessa carnival, carnival trend movement.

Исследование архаических истоков, народно-смеховой природы карнавала, интерпретация его символов, особенностей и глобальных тенденций карнавального движения представляются актуальными, даже теперь, когда этот феномен мировой и национальной культуры утратил свою истинную природу, а карнавальные маски не являются репрезентативным знаком первоначального смысла. Древнее карнавальное действо, сохранив некоторые существенные черты, проявляющиеся по-новому в глобализированном мире, своим смехово-игровым характером созвучно, как это ни парадоксально, современной культурной ситуации.

Исследователи карнавала и смеховой культуры М. М. Бахтин, Д. Мильдон, Б. А. Успенский, Д. С. Лихачёв, А. М. Панченко, Н. Поньрко, В. Я. Пропп, В. А. Вершина, А. В. Михайлюк, Л. В. Панкова, О. В. Королькова и другие обращают внимание на истоки, древние и обновлённые формы карнавального действия, анти-поведение его героев, карнавальную функцию различных смеховых проявлений, суть карнавала как особой смеховой культуры, противостоящей официозу церковной или государственной системы ценностей [1; 2; 13–17; 20].

Многолетнее исследование автором природы карнавала [3–11] позволило выделить общее и особенное в карнавальном движении, основные направления развития, глобальные тенденции и национальные особенности современного карнавала.

Одесский карнавал, проходящий в рамках первоапрельского фестиваля «Юморина», безусловно, как нами было показано в предыдущих исследованиях, обладает основными признаками карнавала и развивается в русле современных карнавальных тенденций, при этом отличаясь специфическими особенностями. Целью данного исследования, с учётом изучения нового материала и предпринятого сравнительного анализа внешних и смысловых проявлений в карнавальных празднествах различных стран современного мира, является обоснование новых, более обобщённых и углублённых выводов о природе Одесского карнавала и его отличии от других.

Карнавал, по-видимому, первоначально являлся персонификацией праздника проводов зимы, амбивалентным образом, олицетворяющим изобилие и обжорство, старость и зиму, на смену которым придут молодость и весна. Аналогичным значением наделяется у восточных славян Масленица, в некоторых регионах называемая объедалой [6; 11; 19, с. 75]. Как мы уже обосновали [5], ранее общепринятое толкование поясняло название от латинского слова «кар» – плоть, мясо, «карна вале» – что-то типа «да здравствует мясо, да здравствует плоть», однако слово «карнавал» происходит, очевидно, от названия культовых «потешных колесниц», использовавшихся во время праздника в честь вавилонского бога Мардука, греческого бога Диониса. Возможным прообразом западноевропейского карнавала были римские сатурналии, греческие кронии, во время которых господа и рабы менялись местами, избирался шутовской царь и воцарялось веселье, олицетворяющее золотой век – эпоху изобилия, процветания, равенства и свободы. Сатурналии в конце декабря знаменовали перерождение времени и мира, начало нового цикла бытия. В некоторых традициях карнавальные по природе праздники проходили в начале весны, знаменуя пробуждение природных сил. Составным элементом подобных празднеств было воспроизведение изначального хаоса. Ф. Рабле, говоря о сущности карнавала, писал, что одна часть людей переодевается для того, чтобы обманывать другую часть, и все бегают по улицам, как дураки и сумасшедшие, никто не видел подобного хаоса в природе [1].

Оргиастическое начало карнавала может быть рассмотрено как попытка магического заклинания первичного хаоса и как стремление преодолеть ограниченность человеческого существования. Ритуальные

оргии были связаны с земледельческим культом, они призваны содействовать производительным силам природы во время посева или вызревания урожая. Оргия отменяет границы, смешивает (латинское «сатура» – смесь, отсюда – сатира) структуры путём инверсии социальной сферы и высвобождения страстей. Целью древних оргий было единение с божественным, священное исступление, выход за пределы собственной природы. Универсальными атрибутами менад в греческих дионисиях, участников римских сатурналий выступали наркотические средства, алкоголь, сексуальная разнузданность, эксцессы, травестия. Оргии отображали переходный период, когда границы сдвинуты и правит хаос, только после его заклинания-преодоления может быть восстановлен порядок [19, с. 135]. В эпоху Средневековья оргиастические обряды, утратившие своё значение с утверждением христианства, трансформировались в рамках карнавальных празднеств, которые регулярно осуждались представителями церкви и не имели легального статуса [4; 19, с. 135].

Образ карнавала обретает космический смысл: он выполняет функцию разрушения принятого миропорядка, с последующим восстановлением истощившихся в течение годового цикла жизненных форм, являющих непрерывную последовательность стадий творения, уничтожения, воскрешения. Карнавальное жертвоприношение, в средние века принявшее символическую форму избрания «дурацкого царя», сжигания чучела Масленицы, т. п., акцентирует роль жертвы в качестве источника возрождения мира [19, с. 75].

Современный карнавал невозможно истрактовать в прежнем значении, его символика и формы изменились, однако и в них зачастую можно узнать древние символы и воспевание начала нового цикла бытия. К молодому украинскому Одесскому карнавалу это относится в большой степени. Известно, что в Украине, «по московскому обычаю», издавна стали отмечать «День дурака», подшучивая над знакомыми и развлекаясь смешными записками. «На перше квітня, за новим звичасм, піддурювали знайомих видуманими листами. Під час ярмарків оглядали народні ігрища...», – пишет Иван Крипьякевич о быте украинцев в XVIII веке [12, с. 117]. Одесский карнавал ежегодно проводится в рамках фестиваля «Юморина» именно 1 апреля, в общепризнанный международный День дурака.

Амбивалентный образ дурака предстаёт как необходимая фигура в процессе созидания мира: он переворачивает общепринятое, являя парадокс, доксу, а парадокс, как известно, дружит с гениями [19, с. 49]. Существовавший в Средние века Праздник дураков предполагал

пародирование церковных обрядов, смену социальных ролей классов. Нередко дурак рассматривался как посредник между земным и божественным мирами, т. е. как носитель высшей мудрости, он сближается с образами шута и юродивого, выполняющими аналогичные функции. Существует сюжет о том, как дуракам доверяли принять решение, когда мудрые оказывались бессильными. Есть мнение, что Лао-цзы «обликом был похож на глупца», возможно, это отражает идею о том, что великая мудрость всегда содержит в себе элемент глупости, ибо, по Библии, «во многих знаниях многие печали» [19, с. 49–50]. Не удивительно, что известный итальянский психиатр XIX века Чезаре Ломброзо заметил, что в строении мозга гения и сумасшедшего много общего! В фольклоре образ дурака нередко показан в позитивном ключе, например, Иванушка-дурачок. В то же время в негативной своей ипостаси дурак соотносится с трикстером – персонажем, противостоящим демиургу или культурному герою и искажающим созданное ими.

Одесский карнавал отличается тем, что это единственный карнавал, который родился и проводится в День дурака – 1 апреля, в ходе «Юморины». Он отражает большинство из перечисленных выше общих карнавалых признаков и имеет специфические особенности, отличающие его от других карнавалых праздников.

Для лучшей иллюстрации материала представляется целесообразным напомнить семь основных, выявленных нами ранее [3; 5], тенденций современного карнавалного движения:

1. Истоки карнавала, как особой смеховой культуры, противостоящей официальным праздникам, в архаических и религиозных ритуалах: сначала языческих обрядах, связанных с периодами солнцестояния, сельхозработами и массовыми ярмарочными праздниками; в период христианства укоренившиеся древние символы интерпретировались по-новому; большинство современных карнавалых шествий (исключая Одесский карнавал), во многом противореча христианским канонам, в ряде внешних форм и символов всё же демонстрируют основы сакрального ритуала [9; 11].

2. Современный этап развития карнавалного движения начался с возрождения карнавала в разных странах в 70-е годы XX века, в условиях изменившегося мира, угасания «холодной войны», либерализации и демократизации общественных систем [5; 7]. В отличие от старых карнавалых традиций, переворачивающей официальные ценности и иерархии, современный карнавал, в первую очередь, выражает ощущение отдыха от работы, беспечности, веселья, радостного переживания праздника жизни.

3. Карнавальные особенности связаны с историей народов, раскрывают её смысл и влияют на повседневную жизнь жителей «карнавальных регионов». Исторические персонажи – обязательные, постоянные и основные участники карнавального шествия. Жители целый год живут под влиянием ауры карнавала, влияющей на быт, коммерческий расчёт и мировоззрение населения [3; 10].

4. Современный карнавал отличается возрастающая политизация, при одновременной карнавализации и шоузации политической жизни [3]. Практически все социальные протесты в мире против существующей действительности, господствующей идеологии и морали, включая революции, свидетелями которых стало поколение наших читателей, носят карнавальную окраску, когда переворачивается мир, многие надевают маски, мнят себя иными, присваивая право на претензии к этому миру, и иногда «царём» становится шут или преступник... Современные предвыборные кампании, используя специальные технологии влияния на электорат, часто выполняют карнавальную функцию. Так, антигриппозная марлевая повязка на лице украинских политических лидеров в президентской гонке перед объективами телекамер превращается в карнавальную маску.

5. Основной чертой современного карнавала является тотальная коммерциализация, детально нами продемонстрированная ранее [8].

6. Имея сходные черты, каждый карнавал всё же отличается своей национальной окраской. Одесский карнавал, в отличие от других, имеет т. н. «одесские традиции», не имея практически ни религиозных, ни национальных, что объясняется особенностями истории развития города, полиэтничностью и множественностью религиозных конфессий. В Одессе мы наблюдаем разрыв между культурными традициями титульной нации и одесскими карнавальными символами. Видимо, в основе этой тенденции лежат 3 фактора:

- фактор рождения – атеистическая советская подоплёка, связанная с рождением Юморины в «застойном» периоде;
- фактор молодости – из 36 лет только 18-ый год фестиваль Юморина и карнавал проходят в суверенной Украине;
- фактор специфики города – многоликая и многоязыковая Одесса всегда выделялась многонациональностью, особым свободомыслием, философичностью простых граждан и особой смеховой культурой и в составе царской России как центр Новороссии, и в составе СССР, и в независимой Украине. Этакий культурный Вавилон, рождающий много талантов и влекущий к себе гостей, придал и карнавалу внешние атрибуты Одессы. Однако в последние годы всё больше

персонажей национальной истории принимают участие в первоапрельском карнавальном шествии в период Юморины [6; 7; 10]. 7. Каждый карнавал имеет свою главную черту, свою «изюминку». В одесском варианте это – так называемый «одесский юмор», истоки которого в мифологизированной одесской истории XVIII–начала XX веков [5; 7].

Как видим, древний преображённый карнавал, обретая общие современные черты при национальных особенностях каждого отдельного карнавала, не имеет признаков угасания, обновляется, впитывая в себя черты современного глобализованного мира. Воздействуя на этот мир, карнавальное празднество вынуждает экономику и политику учитывать его возрастающее влияние на все сферы жизни и привлекает всё большее число участников и зрителей.

Напомним, что название «карнавал» утвердилось в Италии в XIII веке. В эпоху Возрождения карнавал оформился как особая смеховая культура, противостоящая официальным праздникам. В Украине и России, других славянских странах карнавал носил форму Масленицы. К XVIII веку карнавалы были особо популярны в Италии (Венеция, Рим), Германии, Франции (Ницца). Позднее они расцвели в Испании и Латинской Америке. Однако конец XIX века стал периодом заката карнавального движения на долгий период. Скорей всего, это было связано с эпохой революций и войн, включая две Мировые войны. Как известно, Одесский карнавал родился вместе с фестивалем «Юморина» 1 апреля 1973 года [5; 7]. Венецианский карнавал, карнавалы Германии, Великобритании возобновились после большого перерыва также в 70-е годы прошлого века. И хотя конкретная обстановка, например, в тогдашних Одессе (в составе СССР) и Венеции была различной, всё же можно разглядеть некоторые общие причины их возрождения [4].

Исследуя отличительные особенности Одесского карнавала, ранее мы сосредоточили своё внимание на противопоставлении наиболее популярного Бразильского карнавала в Рио и «юморинского» карнавала в Одессе [3]. Находясь в Италии, автор дополнительно изучила особенности знаменитого Венецианского карнавала, что позволило сформулировать признаки сходства и отличия Венецианского и Одесского карнавалов, а также с помощью этого противопоставления глубже уяснить специфику карнавала в Одессе.

Венецианский карнавал отличается атмосферой таинственности, налётом грустной весёлости, навеянной сочетанием холода каналов и красоты архитектуры обветшалых зданий. Здесь среди обилия масок

ощущается полнота жизни и смерти, связь веков и мистическая сущность красоты.

В средневековой Европе карнавальное празднество занимало до трёх месяцев в году [19, с. 75]. Современный Венецианский карнавал длится три недели, но целый год венецианцы готовятся к празднику. Фактически карнавал происходит в форме различных мероприятий на разных площадях венецианских островов. Со слов венецианца-бизнесмена Луиджи Гадзотти, вечерами организовываются званые балы в старинных дворцах Венеции, требующие сверх-модных нарядов и масок.

Но главное в этой традиции – вернуться в яркое прошлое славной Венеции, перевернуть сегодняшний быт, естественно чувствовать себя в костюме известной в прошлом синьоры или Казановы, раскланиваться с другими «масками», будто бы духовно переселиться в прежние века.

Чужестранцы, надевшие маски, как правило, здесь этого не ощущают. С ними не раскланиваются, часто их костюмы случайны. Венецианцы же и итальянцы, давно знакомые с традициями Венецианского карнавала, в отдельные моменты буквально перевоплощаются в образ избранного заранее героя.

Несмотря на то, что огромные толпы участников действия, очереди на вапоретто мешают простым жителям, спешащим на работу, горожане не возражают против такого неудобства, это их жизнь и их национальный и региональный праздник, которым они гордятся. А те венецианцы, которые занимаются торговлей, получают в течение трёхнедельной фиесты, накануне и после неё сверхприбыли.

Сопоставив особенности формы и содержания Одесского и Венецианского карнавалов, можно сформулировать пять их отличий:

- 1) известность Венецианского карнавала в мире, учитывая его древние корни, намного выше Одесского;
- 2) в Венецианском карнавале присутствует национальный дух, дух Италии, в то время как Одесский карнавал не имеет национальных корней;
- 3) Одесский карнавал длится несколько часов 1 апреля каждого года, и только один день им фактически живут одесситы и гости города; Венецианский карнавал длится три недели;
- 4) в Венеции отсутствует единое короткое одноразовое карнавальное шествие, как в Одессе; маски и представления присутствуют на всех площадях, карнавные маски продаются целый год: до, в ходе и после карнавала;
- 5) Венецианский карнавал отличается маскировка почти всех гостей и большинства жителей города; в Одессе маски надевают практически лишь непосредственные участники шествия, при этом заметно, что с каждым

годом в карнавальной колонне всё больше венецианских костюмов. Простые же жители, зрители, гости города просто наблюдают за маскированным шествием или же используют для развлечения три одесских атрибута: «рожки» на голову, раскрашенное лицо или ярко выкрашенные волосы.

Конечно, анализируя отличия, нельзя не увидеть и признаки сходства обоих карнавалов, что подтверждает наш вывод об общих чертах и единых тенденциях развития современного карнавального движения. Можно выделить такие сходные черты Одесского и Венецианского карнавалов:

- 1) в обоих действиях подчёркивается история и особенности преимущественно одного города – места, где зародился и проходит карнавал;

- 2) высок уровень коммерческого интереса в карнавальных и околкарнавальных делах, хотя, безусловно, в Венеции он намного выше. Ведь уровень украинской экономики – как следствие отечественной политики, нереализованности экономического потенциала после принятия Украины в ВТО и современного глобального финансово-экономического кризиса – пока не позволяет одесским предпринимателям получать от карнавала огромнейшие прибыли, как это происходит в Италии, Бразилии и других странах. Карнавальные маски по немалой цене круглый год продаются на всех площадях Венеции; итальянские ателье не успевают подсчитывать доходы от пошива карнавальных костюмов. Так, например, в Венецианском карнавале в феврале 2004 года приняло участие, без учёта местных жителей, полмиллиона гостей, принесших в городскую казну и местным предпринимателям огромные средства [18];

- 3) в обоих карнавалах, как и в большинстве карнавалов мира, заметно присутствие масок известных в стране и мире политиков;

- 4) и в Одессе, и в Венеции наблюдается много мусора на улицах в конце карнавального дня, существуют немалые проблемы коммунальных служб по уборке города и перевозке пассажиров. Но, с точки зрения городских властей и горожан, это не является помехой карнавальному празднику. Так, муниципальная власть Венеции и венецианцы согласны терпеть большие неудобства – одностороннее движение, мосты через каналы можно переходить только в одном направлении, много шума и мусора – так как это компенсируется не только весельем, но и немалыми доходами [18].

Вместе с тем, трудно не заметить, что Венецианский карнавал являет не столько веселье, как Одесский, сколько достоинство. Конечно, при этом в городе возрастает число карманных краж, ибо итальянские воры тоже «готовятся к карнавалу», как готовилась Сонька-Золотая ручка к

очередной ярмарке. Отдельные подвыпившие особы падают в венецианские каналы с зелёной тиной. Но это не перечёркивает величие и великолепии Венецианского карнавала.

Таким образом, заслуживает констатации факт гораздо большего сходства отечественного карнавала с Венецианским, в отличие от специфического бразильского в Рио, с его школами самбы, ранее нами детально проанализированного [9], и центрально-европейских немецких и Пражского карнавалов, где особо акцентируется национальная кухня.

Возникает вопрос: остались ли причины карнавала прежними? Влекут ли сегодня людей ворваться в карнавальное водоворот потребности зрелищ, эстетического удовольствия, поиск радости бытия, истинного смысла, который можно созерцать, лишь вынырнув из суетности и условности мира? Возможно, и сегодня больные хотят почувствовать себя здоровыми, бедные представить себя богатыми, подчинённые увидеть себя на вершине социальной лестницы. И все хотят счастья и мистического чуда в этом кризисном, перенаселённом, небезопасном мире, с его военными и религиозными конфликтами, эпидемиями и экологическими катастрофами. Все хотят изменения этого мира к лучшему. По-видимому, природа человека, как и природа смеха, практически не изменилась спустя много веков. А значит, наши правнуки снова будут свидетелями карнавала, и не исчерпаны возможности дальнейшего исследования его природы.

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса.– М.: Худож. литература, 1990.
2. Вершина В. А., Михайлюк А. В. О карнавальных истоках современной цивилизации // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології.– Вип. 2. Про природу сміху.– Одеса: Студія «Негоціант», 2002.– С. 161–167.
3. Золотарёва Е. Интерпретация Одесской Юморины в контексте карнавального движения // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології.– Вип. 10. Стратегії інтерпретації тексту: методи і межі їх застосування.– Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2006.– С. 350–358.
4. Золотарёва Е. Общее и особенное в истоках и формах карнавального движения // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології.– Вип. 13. Сміх та серйозність: множинність видів та взаємин.– Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2008.– С. 156–165.
5. Золотарёва Е. Одесский карнавал в русле современных тенденций карнавального движения // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології.– Вип. 7. Людина на межі смішного і серйозного.– Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2005.– С. 221–231.

6. Золотарёва Е. Одесский карнавал и традиционные духовные ценности // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. – Вип. 5. Логос і праксис сміху. – Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2004. – С. 243–255.
7. Золотарёва Е. О природе «одесского смеха» // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. – Вип. 2. Про природу сміху. – Одеса: Студія «Негоціант», 2002. – С. 187–191.
8. Золотарёва Е. Проблемы коммерциализации «одесского смеха» // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. – Вип. 3. Гносеологічні і антропологічні виміри сміху. – Одеса: Студія «Негоціант», 2003. – С. 186–191.
9. Золотарёва Е. А. Смех как добродетель и как преступление // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. – Вип. 1. – ООО Студія «Негоціант», 2002. – С. 27–33.
10. Золотарьова О. Формула щастя // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. – Вип. 8. – Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2006.
11. Золотарёва Е. А. Языческая смеховая культура и христианство как истоки современного массового празднества // О природе смеха: материалы круглого стола. – Одеса: ООО Студія «Негоціант», 2000. – С. 10–13.
12. Історія української культури / За загальною ред. І. Крип'якевича. – К.: Либідь, 1994.
13. Королькова О. В. Читая Бахтина, или почему «Юморина» не станет карнавалом // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип. 3. – Одеса: ООО Студія «Негоціант», 2003. – С. 192–200.
14. Лихачёв Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. – Л., 1984.
15. Мильдон В. Введение в философию балагана // Балаган. Ч. 1 / под ред. О. Купцовой. – М., 2002. – С. 75–82.
16. Панкова Л. Карнавальная функция мата в анекдотах и художественных текстах // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. – Вип. 5. Логос і праксис сміху. – Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2004. – С. 349–355.
17. Пропп В. Я. Ритуальный смех в фольклоре. По поводу сказки о Несмеяне // Учёные зап. Ленингр. гос. ун-та. – Л., 1939. – № 46.
18. «Reuters», «Урядовий кур'єр», № 30. – 17. 02. 2004 р. – С. 4.
19. Словарь символов и знаков / Авт.-сост. В. В. Адамчик. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006. – 240 с.
20. Успенский Б. А. Анти-поведение в культуре Древней Руси // Успенский Б. А. Избранные труды. – Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. – М., 1994. – С. 320 – 332.